

СТЕПНОЙ ТРАНЗИТ: МОСТ МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ ИЛИ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ?

М.А. Петров

Аннотация. Дискуссия о роли кочевников в истории сегодня имеет заметно политизированный характер. В силу различных обстоятельств, в отечественной и мировой номадологии сегодня начинает преобладать апологетическое направление. Его приверженцы с одной стороны идут по пути тривиализации негативных аспектов истории номадов, а с другой пытаются максимально расширить список их достижений. Одной из важных исторических миссий «цивилизации евразийских кочевников» ряд авторов видит межкультурную коммуникацию, своеобразный канал связи между Востоком и Западом. Чаще такие априорные оценки встречаются в широковещательных публикациях, больше пропагандистской, чем научной направленности. Однако в некоторых работах, претендующих на научность, их авторы пытались аргументировать подобные взгляды. В частности, это можно сказать про работы Э.С. Кульпина, посвященные истории Золотой Орды. В настоящей статье предпринимается попытка выяснить обоснованность подобных концепций, рассмотрев ряд частных вопросов относительно реального вклада кочевников в культурный обмен между Западом и Востоком, значения Великого шелкового пути в качестве единой торговой магистрали, питавшей могущество кочевых империй и социально-экономического потенциала кочевых скотоводческих обществ с точки зрения торгового транзита.

Ключевые слова: номадизм, историческая мифология, культурный транзит, Великий шелковый путь, кочевые империи, оседло-кочевые сообщества.

STEPPE TRANZIT: A BRIDGE BETWEEN CIVILIZATIONS OR HISTORIOGRAPHICAL CONSTRUCT?

M.A. Petrov

Abstract. The discussion about the role of nomads in history today has a noticeably politicized character. Nowadays, due to various circumstances, in the domestic and world nomadology an apologetic direction begins to prevail. Its adherents on the one hand follow the path of trivializing the negative aspects of the nomad history, and on the other try to expand the list of their achievements to maximum. A number of authors see as one of the important historical missions of the “civilization of the Eurasian nomads” the intercultural communication, a peculiar channel of communication between the East and the West. More often such a priori estimations are found in broadcast publications, more propagandistic than scientific. However, in some works, claiming to be scientific, the authors tried to argue such views. In particular, this can be said about the work of E.S. Kulpin, dedicated to the history of the Golden Horde. In this article, an attempt is made to elucidate the validity of such concepts by considering a number of particular questions regarding the real contribution of nomads to the cultural exchange between the West and the East, the importance of the Great Silk Road as a single trade route that nurtured the power of nomadic empires and the socio-economic potential of nomadic cattle-breeding societies from the trade transit point of view.

Keywords: nomadism, historical mythology, cultural transit, the Great Silk Road, nomadic empires, settled-nomadic communities.

Вопрос о роли и значении кочевников в истории стран Старого Света продолжает дискутироваться уже не первое столетие и вряд ли когда-либо будет окончательно закрыт. Связано это безусловно с тем, что данная проблема не исчерпывается одними лишь научными аспектами. Собственно, в истории можно найти очень немного сюжетов, лежащих в чисто академической плоскости и не попадающих при этом в те или иные общественно-политические ракурсы. Однако, следует признать, что степень политизации различных исторических проблем все же неодинакова, что позволяет приблизить исследование некоторых из них к идеалу научной объективности.

К большому сожалению, обозначенный выше вопрос не принадлежит к числу относительно «чистых» сюжетов, и особенно если говорить о текущей историографической ситуации. Пристрастное отношение к кочевым народам – явление достаточно типичное для историописания в разных культурных традициях Евразии, как на донаучной стадии, так и на ранних этапах развития исторической науки. В сочинениях историков Древности и Средневековья, отражавших систему ценностей оседло-урбанистического общества, традиционно преобладал взгляд на кочевников как на воплощение губительной стихии, несущей смерть и разрушение всем цивилизованным соседям. Распространенными приемами в конструировании образа кочевника, в идейно-политических доктринах Востока и Запада были дегуманизация и демонизация.

Несмотря на то, что противоположная, идеализирующая традиция (ее приверженцы видели в кочевниках мужественных варваров, не испорченных пороками пресыщенного общества), возникла достаточно рано, она в целом оставалась маргинальной. Не она определяла господствующие исторические концепции, и тем более – восприятие кочевников ни элитами, ни массами оседло-земледельческих обществ. Развитие научного историописания способствовало некоторой коррекции оценок исторической роли кочевников в сторону большей объективности, однако негативный уклон сохранялся еще достаточно долго. Даже в концепциях, критически оценивавших мировую гегемонию Запада и апологетически изображавших традиционные незападные общества, кочевникам как правило отводилось привычное место могильщиков высокой культуры. Данное обстоятельство объясняется тем, что главными жертвами кочевнических нашествий в истории Старого Света были именно государства Востока, а европейские авторы, попавшие под романтическое обаяние исследуемых культур, в полной мере восприняли и присущее тем отношение к обитателям кочевой периферии.

Ситуация стала заметно меняться во второй половине XX в., когда популярность стали приобретать апологетические оценки. Нынешняя ситуация целиком укладывается в формулу, выведенную отечественным философом А.В. Гулыгой, согласно которой на смену одному мифу приходит не объективное знание, а всего лишь новый миф [Гулыга, 1978, с. 58]. На основании общего субъективного впечатления от современной научной, научно-популярной и научно-публицистической литературы, посвященной кочевнической тематике, автор этих строк склонен констатировать заметное преобладание в ней именно апологетических подходов. Данное

обстоятельство обусловлено рядом достаточно очевидных причин. Прежде всего – это активное развитие национальных историографий в странах, титульные этносы которых в прошлом вели кочевой образ жизни. На этом поле появляются сочинения не просто апологетического, а откровенно панегирического характера, нередко доходящие до курьеза.

Столь же очевиден фактор пресловутой политкорректности, в последние десятилетия превратившейся в странах Запада в своеобразный «культ покаяния» за колониализм. В исследованиях кочевниковедческой тематики эта идейная мода проявляется прежде всего в стремлении исследователей максимально очистить репутацию как кочевников в целом, так и отдельных народов от стереотипных обвинений в паразитическом и деструктивном характере взаимоотношений с оседло-урбанистическими культурами. Во французской антропологии, например, сложилось целое направление, занятое развенчанием «хияльского мифа» – традиционной концепции, объяснявшей упадок стран Магриба, начавшийся в XI в., нашествием кочевого союза бану-хияль. Общей же установкой в отношении кочевых нашествий, свойственной «антирасистскому переосмыслению истории», является не полное отрицание их негативных последствий, а стремление доказать, что по своей разрушительности они особенно не выделялись на фоне конфликтов внутри «цивилизованного мира»¹.

Еще один фактор, создающий апологетический уклон в современной номадологии, обусловлен довольно типичной для специалистов профессиональной пристрастностью, если не сказать – эмоциональной привязанностью к собственному предмету исследования. Однако в современной ситуации его действие заметно усиливается вышеуказанной идеологической модой. Если раньше исследователь, стремившийся опровергнуть существующие негативные представления о кочевниках, вынужден был подыскивать для этого убедительные аргументы, то сегодня его задачу существенно облегчают «правильные» идейно-политические установки. Удручающие последствия подобной запрограммированности особенно хорошо знакомы в нашей стране по временам монополии официозного марксизма и, надо сказать, абсолютно независимы от того, какая именно идеология навязывается. Ситуация же, когда субъективная пристрастность исследователя получает высшую идеологическую санкцию, представляется особо опасной не только для качества дискуссии, но и для самого исследователя.

В ряде современных работ, посвященных кочевнической тематике, все более явно просматривается нацеленность на априорное отрицание всего, что может служить

¹ Мы не будем касаться достаточно щекотливого вопроса о корректности применения термина «цивилизация» к отдельным кочевым обществам, либо к евразийскимномадам в целом. Сегодня данное понятие применяется столь широко (включая даже сообщества высших гоминид), что призывы вернуться к традиционному пониманию цивилизации как к стадии развития и определенного качества культуры представляются заведомо безнадежными. К тому же авторы, работы которых упоминаются и цитируются в настоящей статье, широко используют «цивилизационную» терминологию в отношении кочевников, поэтому чтобы не создавать понятийных затруднений мы так же будем придерживаться широкой трактовки.

основанием для негативных стереотипов. Например, путем вольного обращения с фактическим материалом и посредством еще более нестандартных логических ходов обосновывается ложность представлений о несамодостаточном характере кочевнической экономики, обуславливавшей военно-грабительскую экспансию кочевников. К примеру американский историк Н. ди Космо приходит к подобному выводу на основании отдельных находок земледельческих орудий и локальных поселений на территории обитания хунну [di Cosmo, 1994]. При этом игнорируется обширный массив исторических и этнографических данных, убедительно доказывающих, что наличие в степи некоторого количества оседло-земледельческого населения было явлением достаточно типичным, равно как и обращение части скотоводов к земледельческим занятиям, что, впрочем, не делало кочевую экономику по-настоящему автаркичной [Крадин, 2001, с. 81–95].

Апологетический уклон в современной историографии кочевничества не исчерпывается усилиями по очищению репутации евразийских кочевников от негативных характеристик. Не менее важным направлением выглядит формирование позитивного мифа о выдающейся роли кочевников в истории Старого света. В этом направлении с наибольшим размахом действуют представители национальных историографий. На страницах работ, призванных «переосмыслить с позиций цивилизационного подхода» историю кочевников, разворачиваются яркие и масштабные полотна, рисующие кочевые общества не только ничем не уступающими ведущим цивилизациям древности и средневековья, но и во многом превосходящими их [Оразбаева, 2005]. На вооружение при этом берется список достоинств, типичных для большинства традиционалистских теорий. Это прежде всего гармоничное взаимодействие с природой, которой кочевое скотоводство якобы причиняло минимальный вред. Таким же гармоничным рисуется и кочевой социум, в котором различные консенсуальные механизмы (родственная, общинная, племенная солидарность) превалировали над агональными [Оразбаева, 2005, с. 169, 222]. Стройная система отношений человек – природа – общество базировалась на столь же совершенном духовном фундаменте традиционной идеологии, не противопоставлявшей индивида социуму, а социум – экосистеме.

Кроме того, повышенное внимание уделяется различным историческим заслугам кочевых народов, как общепризнанным, так и дискуссионным. Поскольку число различных культурных новаций, созданных (либо усовершенствованных, как это имело место со стрелами) [Вайнштейн, 1991, с. 220–224; Хазанов, 2002, с. 465] в кочевом мире сравнительно невелико, то многими авторами традиционно делается акцент на роль кочевников как своеобразных межцивилизационных посредников. В отдельных работах, она интерпретируется как важнейшая историческая миссия евразийской кочевой цивилизации.

Тот факт, что мобильные племена евразийских скотоводов, неоднократно мигрировавшие на весьма значительные расстояния, внесли свой вклад в культурно-информационный обмен между оседлыми обществами, сегодня вряд ли кто-то будет отрицать. Однако в оценке масштабов «кочевого транзита» и его постоянства

оценки отдельных авторов существенно варьируют. По понятным причинам сторонники различных апологетических концепций исключительно высоко оценивают значение евразийских номадов как агентов культурной диффузии. В некоторых работах кочевникам даже отводится роль творцов некоего «евразийского единства», понимаемого буквально метафизически [Боталов, 2006, с. 17–20]. Культурная трансляция провозглашается фактором жизнеспособности кочевой цивилизации, погибшей во многом потому, что «...когда оседлые цивилизации установили иные пути коммуникации, от “услуг” кочевников отказались» [Пиков, 2009, ч. 1, с. 9]. Нам представляется, что даже очевидная идеологическая заданность концепции не дает повода отвергать ее с порога, как это порой делалось в советской историографии. Оценить обоснованность вышеизложенных взглядов можно только рассмотрев аргументы их сторонников.

Прежде всего, обращает внимание, что своеобразным ядром многих концепций «степного транзита» выступает представление о Великом шелковом пути как некой магистрали, четко прослеживаемой от эпохи поздней Древности до начала Нового времени. Даже если допускается некоторая историческая вариативность отдельных отрезков этого торгового маршрута, он практически целиком помещается в пространство Средней Азии – Поволжья – Северного Причерноморья, т.е. на территории преимущественного обитания кочевников. При этом по умолчанию предполагается высокая интенсивность товарооборота и стабильность шелкового пути, что в свою очередь позволяет высоко оценить роль кочевников как евразийских транзитеров, и заодно дает дополнительные аргументы в чувствительном для историков апологетического направления вопросе об уровне сложности их социальных институтов.

Последовательным сторонником подобной интерпретации Великого шелкового пути применительно к истории государственных образований, созданных монголами, выступал философ Э.С. Кульпин, чьи идеи пользуются немалой популярностью как среди историков бывших центральноазиатских республик СССР, так и среди части российских авторов. Периоду возвышения Золотой Орды (сер. XIII – XIV вв.), согласно его представлениям, соответствовал небывалый расцвет торговых отношений между Востоком и Западом, главным каналом для которых был все тот же Великий шелковый путь. Стабильная власть золотоордынских ханов обеспечила «...увеличение обмена информацией, генофондом», тогда как торговый обмен был стабилизирован на столетие [Кульпин, 1998, с. 23–24]. К факторам расцвета транзитной торговли данный автор относил расцвет золотоордынских городов, а также удобные коммуникации. Существование последних обосновывается весьма оригинально: они будто бы сложились в степи «в силу ее естественной приспособленности» [Кульпин, 1998, с. 24]. Примеры и доказательства прекрасного состояния подобных стихийных трасс в условиях степного ландшафта не приводятся.

Поскольку география размещения золотоордынских городов не вполне ложится в концепцию Великого шелкового пути как основного источника благосостояния государства, Э.С. Кульпин в качестве второй транспортной артерии обозначил

Волгу, однако в своих дальнейших рассуждениях безусловный приоритет оставил за шелковым путем, функционированию которого, согласно его мнению, не помешал даже распад единой Монгольской империи и конфликтные отношения между отдельными ветвями чингизидов [Кульпин, 1998, с. 27].

Насколько обоснованным в работах Э.С. Кульпина выглядит наиболее интересующий нас тезис об интенсивной и высокодоходной торговле, связавшей Европу и отдаленные уголки Азии не только экономически, но и культурно? Увы, следует констатировать, что в лучшем случае он получает не столько доказательное, сколько иллюстративное обоснование. Так, ссылаясь на Г.А. Федорова-Давыдова, Э.С. Кульпин приводит отдельные примеры проникновения восточных изделий в русские земли, и в частности в Тверь. Причем речь идет о вещах ближневосточного и среднеазиатского происхождения. Нам представляется, что для обоснования ранее нарисованной захватывающей картины оживленного товарного и культурного обмена этого единичного примера все же недостаточно. Убедительным свидетельством здесь скорее могло бы послужить статистически ощутимое возрастание объема товаров восточного происхождения в Западной Европе (маршрут доставки которых к тому же можно было связать именно с золотоордынскими торговыми путями) и западных – в странах Дальнего Востока. Однако данные подобного рода в работах Э.С. Кульпина не встречаются. Не спешат ими поделиться и его нынешние единомышленники.

В качестве примера, иллюстрирующего успехи информационного обмена в золотоордынскую эпоху, Э.С. Кульпин сумел привести путешествие Афанасия Никитина (к тому же пришедшее на последние годы даже чисто номинального ордынского господства). Опять же, нельзя не признать, что для более чем столетнего периода плотного и регулярного общения Запада и Востока такой результат выглядит более чем скромным.

Следует сказать, что в сюжетах, посвященных экономике трансасиатской торговли, лишний раз проявился априоризм, свойственный как данному автору, так и многим теоретикам «кочевой цивилизации». Сначала постулируется важный тезис, после чего из него как из признанного следствия выводятся причины. Ярким примером тут могут служить вышеприведенные умозаключения о степных дорогах: сначала фактом признается интенсивное движение торговых караванов в степи, а поскольку активная торговля не могла вестись без подходящих коммуникаций, то последние как бы «синтезируются» в качестве недостающего звена логической схемы.

Априорное признание исключительной важности Великого шелкового пути для золотоордынской государственности в схеме Э.С. Кульпина очевидно связано с тем, что за основу своих рассуждений он брал положения, еще в начале XX в. сформулированные Г.С. Губайдуллиным (Газизом), который был приверженцем школы «торгового капитала» М.Н. Покровского [Измайлов, Измайлов, 2013]. Ее приверженцы движущей силой всех важных исторических процессов, как известно, считали интересы торгового капитала. Несостоятельность концептуальных установок

этого направления стала очевидна даже в условиях сталинского СССР к середине 30-х гг. XX в. Возвращение к столь вульгарной версии марксизма, справедливо раскритикованной за антиисторизм и модернизацию автором, декларировавшим приверженность к иному теоретическому направлению, т.н. «социоестественной истории», может вызывать недоумение. По всей видимости, решающую роль тут сыграла общность убеждений по национальному вопросу. Как бы то ни было, для нас важнее понять сколь сомнительный теоретический фундамент скрыт под идеей о торговом посредничестве как экономическом фундаменте золотоордынской государственности.

Разумеется, тема Великого шелкового пути фигурирует не только в работах Э.С. Кульпина и не только в связи с золотоордынским периодом. Просто в работах большинства авторов, считающих трансконтинентальную посредническую торговлю важной составляющей цивилизации евразийских кочевников, данное представление в еще большей степени декларируется или в лучшем случае обосновывается общими соображениями. Налицо весьма типичная для гуманитарных наук ситуация, когда популярность некоторых положений обуславливается не их аргументированностью, а простой солидарностью мнений. Между тем, принцип решения дискуссионных проблем через голосование в науке считается неприемлемым, а представление о Великом шелковом пути как некой единой торговой магистрали, или даже «коридоре» отдельных маршрутов уже давно получил весьма убедительную критику.

Известный специалист по экономической истории, А.М. Петров еще в конце 1990-х гг. с опорой на источники убедительно доказал, что если проанализировать все случаи употребления понятия «Великий шелковый путь», возникшего в трудах историков XIX в., то за ним обнаруживается не какой-то более или менее определенный маршрут, а скорее товарообмен между различными макрорегионами Евразии как таковой [Петров, 1995]. Это наглядно подтверждается картой всех основных версий шелкового пути, приведенной в работе историка [Петров, 1995, с. 126]. Некоторые из выделенных ученым трансевразийских торговых маршрутов действительно проходили через территорию традиционного обитания кочевников, однако ни о какой их «транзитной монополии» или даже доминировании говорить нельзя. Отмеченное разнообразие торговых путей при этом не означало, что все они действовали одновременно, начиная с раннего Средневековья. В различных исторических обстоятельствах популярность приобретали некоторые из них, но равно товарообмен никогда не шел целиком, либо преимущественно по одному каналу. А это означает, что даже в период расцвета степного транзита товаропоток вряд ли мог быть столь большим, чтобы обеспечить основные доходы государства масштаба Золотой Орды, и кроме того, степной транзит не отличался стабильностью. Относительный его расцвет в период могущества улуса Джучидов скорее заставляет предполагать навязанное посредничество, чем видеть здесь некий закономерный эволюционный процесс. В пользу этого соображения свидетельствует характер урбанизации Поволжья в правление первых золотоордынских ханов,

которая так же носила искусственный характер и была осуществлена через перемещение городского населения из подвластных региональных центров.

Несмотря на отсутствие достаточных статистических данных, нельзя не заметить, что разветвленная структура торговых маршрутов в Евразии до эпохи Великих географических открытий создавала объективные предпосылки для периодического перемещения основных товаропотоков между разными направлениями. Это обстоятельство позволяет в еще большей степени усомниться в доходах от транзитной торговли как главном источнике пополнения золотоордынской казны.

Гипотетическая картина высокоприбыльной транзитной торговли в Золотой Орде и аналогичных имперских образованиях, созданных номадами, кроме того, страдает очевидной однобокостью. Расцвет городов в центральных регионах рассматривается как некий закономерный эволюционный процесс, результат разумной политики государства. Между тем едва ли нуждается в доказательствах тот факт, что главным фактором локальной урбанизации Поволжья в золотоордынский период стало насильственное перемещение значительной части городского населения из подчиненной периферии. Для территорий, ставших вынужденными «поставщиками» городского населения, это означало упадок городов, причем этот процесс не был симметричным. Вопреки настойчиво повторяемому апологетами тезису о преувеличенности числа жертв и масштаба разорений в результате монгольских завоеваний данные источников свидетельствуют об обратном. И если даже созвучные апокалиптические мотивы восточных и европейских авторов можно целиком отнести на счет литературной традиции [Гумилев, 2001, с. 405, 468], то археологические находки убедительно свидетельствуют об упадке большей части русских городов к середине XIII в. И причиной столь масштабной дезурбанизации было не только перемещение городского населения, но и военное разорение.

Аналогичные явления были достаточно типичны для кочевнических завоеваний [Першиц, 1998] и, как представляется, были связаны не столько с пресловутой кровожадностью кочевников, сколько с традиционным «экстенсивным» отношением к покоренным территориям. Лишь по прошествии времени, по мере развития процессов социальной интеграции и культурной ассимиляции, отношение новых властей к коренному населению менялось на более рачительное. Однако процесс восстановления прежнего потенциала региональной экономики, стоявшей на доиндустриальном уровне развития, шел медленно, что в свою очередь не могло не сказываться на торговой активности.

Если даже в период наибольшей стабильности в степи, сопровождавшейся беспрецедентным расцветом инфраструктуры и подкреплявшейся целенаправленной политикой властей, появление единой торговой магистрали представляется сомнительным, то еще меньше оснований считать, что шелковый путь продолжал успешно функционировать в более типичных для азиатских степных пространств условиях упадка и дезорганизации мощных иерархических структур. Многочисленные фактические примеры свидетельствуют, что даже на территории устойчивых

потестарных образований кочевников, объединенных под властью единоличных правителей, безопасность торговцев и путешественников не была гарантирована [Марков, 1976, с. 146].

Автономные кочевые общества, в отличие от Золотой Орды, которая все же представляла оседло-кочевой социально-исторический организм, кроме того обладали гораздо худшими логистическими возможностями для поддержания интенсивного и стабильного транзита. Даже регулярное снабжение продовольствием караванных экспедиций, в силу известных особенностей кочевнической экономики [Хазанов, 2001, с. 158–161, 330–331], представляется сомнительным, особенно если речь идет о малочисленных, либо слабоорганизованных группах номадов. Еще хуже обстояло с организацией всей необходимой инфраструктуры, которую могли обеспечить только города.

Сказанное никак не противоречит историко-этнографическим данным, согласно которым торговый обмен не прекращался в степи даже в условиях затяжных межплеменных конфликтов. Ведь речь в нашем случае идет не о скромных масштабах местного рынка, а о мощных потоках товаров, составлявших основную часть обмена между Востоком и Западом. Кроме того, имеющиеся данные по некоторым хорошо исследованным кочевым обществам доказывают, что при отсутствии сильной принудительной власти сохранявшие свою автономию племена создавали и немалые затруднения для транзитной торговли. Взимание платы за проход через свою территорию они нередко чередовали с грабежами торговцев [Васильев, 1999, с. 46–47]. Подобные примеры нет оснований считать некими девиациями, одинаковыми как для оседлых, так и для кочевых обществ, как это пытались доказывать некоторые приверженцы апологетического направления. Описанная практика только на первый взгляд может показаться примером иррационального поведения. Ее причины коренятся в специфике социально-политической организации кочевых обществ, хорошо описанной в литературе [Крадин, 2001; Марков, 1976; Першиц, 1998]. Нестабильное экстенсивное скотоводство было не в состоянии обеспечить стабильность не только прибавочного, но и зачастую необходимого продукта. В то же время высокий уровень милитаризации и мобильности кочевников создавал немалый «соблазн» компенсировать дефицит благ насильственным путем. Поскольку всякого рода регулярные дани извне обогащали преимущественно кочевую верхушку, последняя, даже обладая немалой властью над соплеменниками, периодически вынуждена была организовывать или санкционировать грабительские набеги, объектом которых нередко становились собственные данники [Барфилд, 2009].

Кроме того, важным фактором, ограничивавшим торгово-посредническую роль кочевых обществ, была политика тесно контактировавших с ними государств. Исторические примеры, относящиеся к различным эпохам и регионам, убедительно свидетельствуют, что сильные и самостоятельные державы чаще всего ограничивали торговлю с варварской периферией или даже старались полностью ее запретить. Подобная политика диктовалась прежде всего соображениями безопасности. В случае же с кочевниками политические мотивы дополнялись

чисто экономическими: по верному замечанию А.М. Хазанова, кочевники редко могли предложить своим оседлым соседям какие-либо отсутствующие у тех товары [Хазанов, 2001, с. 329] Очевидно, что масштабная транзитная торговля не могла возникнуть в готовом виде, минуя «регионально-пограничную» стадию. Весьма показательно, что, начиная со времен хунну, обитателям степи неоднократно приходилось добиваться открытия пограничных рынков силой [Крадин, 2001].

Конечно, в истории известны и встречные примеры специализации целых племен на транзитной торговле, вроде афганских повинда [Рейснер, 1954, с. 50, 65]. Однако подобные случаи целиком укладываются в отмеченную тенденцию, поскольку относятся к регионам, где кочевники господствовали над оседлым населением, а влияние сильных держав, способных проводить политику изоляции номадов, было там незначительным.

Таким образом, торгово-посреднические возможности кочевых обществ существенно ограничивались их экономическим потенциалом, социокультурными особенностями и торговой политикой крупных держав.

Есть ли основания утверждать, что, несмотря на реально более скромные масштабы товарного оборота, проходившего сквозь степи, кочевники тем не менее сыграли выдающуюся роль в культурно-информационном обмене между Западом и Востоком? Ведь авторы, высоко оценивающие значение «степного транзита», именно в этом видят главную заслугу кочевых цивилизаций. Стоит обратить внимание, что даже там, где эта роль выглядит бесспорной, она все же носила косвенный характер. Например, столь часто приводимое в пример распространение мировых религий (ислама и буддизма). Даже авторы, придерживающиеся позитивных оценок исторической роли номадизма, вынуждены были признать, что кочевая среда не стала ни для одной из них очагом самостоятельного развития [Хазанов, 2001, с. 464]. Чаще всего кочевники выступали в роли силовой составляющей продвижения тех или иных конфессий на новые территории, тогда как сами они долгое время оставались их весьма условными адептами [Васильев, 1999, с. 77–79]. В то же время успешная экспансия ислама всегда была связана с ведущей ролью элит из оседло-городской среды. Даже применительно к начальному этапу арабских завоеваний роль номадов сегодня видится менее значимой, чем раньше [Першиц, 1998, с. 127].

В силу объективных социально-экономических причин, кочевая среда не могла стать основой для развития богословия и религиозного образования. Даже Монголия, с ее развитой монастырской культурой, несколько выбивающаяся из этого правила, осталась реципиентной областью, а сам расцвет буддизма и укрепление церковной организации там пришелся на период ограничения политического суверенитета [Скрынникова, 1988, с. 83].

В сочинениях апологетического характера широко тиражируется представление, будто благодаря монголам европейцы в Средние века открыли для себя Китай. Еще дальше, как мы видим, пошел Э.С. Кульпин, рассуждавший об интенсивных

информационных потоках между Западом и Востоком на пространствах Золотой Орды и сопредельных чингизидских государств [Кульпин, 1998, с. 23–24]. Общеизвестно, что только благодаря возникновению обширнейшей монгольской империи стали возможны путешествия Плано Карпини, Гильома Рубрука и Марко Поло, описания которых позволили составить на Западе первые представления о дальневосточных цивилизациях. Однако следует помнить, что отдельные случаи так и не стали тенденцией. Никакого более или менее постоянного канала взаимосвязи между Европой и Китаем не возникло, тем более при участии кочевых обществ. «Дальние страны», о которых особенно подробно рассказал Марко Поло, вплоть до Великих географических открытий оставались для европейцев полулегендарной экзотикой. К самой книге венецианского путешественника, как известно, многие относились с недоверием, тогда как даже образованная часть европейцев охотно принимала на веру самые нелепые и фантастические рассказы о странах Восточной Азии. В этом плане показательным, что еще в XV в. несравненно большей популярностью у читателей пользовалось полностью вымышленное сочинение Джона Мандевиля [Харт, 1956, с. 300]. Подлинное же открытие Китая, как и прочих дальневосточных обществ приходится на XVI в., когда стали действовать иезуитские миссии. Только в это время контакты приобрели регулярный характер, благодаря чему достоверные сведения постепенно вытеснили фантастические домыслы.

Как только могущественная монгольская империя перестала быть фактором европейской и ближневосточной геополитики, контакты между европейскими и дальневосточными странами сошли на нет. Государства, возникшие в результате раздела наследия Чингиз-хана, не смогли создать стабильных каналов культурно-информационного обмена, и представления европейцев о Китае не менялись до тех пор, пока они сами не создали подобные каналы без всякого участия кочевников. Собственно, и те сведения, которые европейцы получили в XIII в., были переданы им не через какие-то «механизмы межкультурного обмена», а благодаря поездкам собственных послов и торговцев. Сколько-нибудь заметного встречного информационного потока не было ни тогда, ни позже.

Обращает на себя внимание и то, что широкое расселение кочевников в Евразии, периодически сопровождавшееся возникновением крупных кочевых империй, произошло в эпоху Древности – раннего Средневековья, но вплоть до монгольских завоеваний масштабы культурного транзита с участием кочевников были достаточно скромными. А ведь за это время движение кочевых племен от Великой стены до европейских и ближневосточных государств происходило неоднократно. Характерно, что в фундаментальной работе А.М. Хазанова, позицию которого никак нельзя назвать критической (скорее умеренно-апологетической), перечень реальных культурных трансферов, осуществленных при участии кочевников, так же выглядит довольно скромно. Выражая свою позицию, автор отмечает их «значительный вклад в культурную трансмиссию», не конкретизируя при этом его содержание [Хазанов, 2001, с. 469]. Приводимые им примеры изобретений, которые заимствовали у степняков соседние цивилизации – навыки верховой езды,

эффективная конница [Хазанов, 2001, с. 465], относятся к достижениям самого кочевого мира. Пожалуй, единственным фактом культурной трансмиссии, упомянутым А.М. Хазановым, можно считать распространение в странах Старого Света кавалерийского стремени, изобретенного в оседлой среде, но значительно усовершенствованного кочевниками.

Если попытаться объективно оценить вклад кочевых обществ в процесс межкультурной коммуникации, то, конечно, нельзя отрицать отдельные факты, когда кочевники выполнили роль дистрибьютора культурных инноваций. Однако верно и то, что примеров таких немного и они не позволяют говорить о более или менее регулярном процессе. Случаи передачи технологий и знаний при посредничестве кочевых скотоводов носят эпизодический характер, и чаще всего происходили, когда последние представляли серьезную военную угрозу для аграрно-урбанистических обществ. Пожалуй, большая часть из того, что оседлые народы, регулярно контактировавшие с кочевниками, заимствовали у своих соседей (а это в основном военные технологии), создавалось внутри кочевого мира.

Как известно, передача импульса зависит от свойств среды. Социально-экономическая среда кочевых народов Евразии (и даже наиболее развитых) в этом плане обладала весьма ограниченными «проводящими» возможностями. Экстенсивное, слабо специализированное скотоводческое хозяйство, отличавшееся к тому же крайней нестабильностью, практически не нуждалось в большинстве технических новаций, которые был в состоянии ей дать внешний мир. Для заимствования сложных элементов культуры в слабостратифицированном обществе, где прослойка людей, не занятых производственными функциями, была невелика и нестабильна, не было достаточных предпосылок. Тем более отсутствовала инфраструктура для их сохранения и воспроизводства. Поэтому, например, неоднократные попытки перенести на сугубо степную почву города традиционно терпели неудачу.

Можно сказать, что «степной транзит» был наиболее активным в периоды кратковременного существования крупных империй, объединявших в своих границах разные локальные цивилизации. Однако видеть в евразийских кочевниках некую среду, служившую перманентным проводником трансконтинентальной культурной коммуникации, нет никаких оснований. Подобные представления являются разновидностью политико-исторической мифологии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Барфилд Т.Дж.* Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.). СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ; «Нестор-История», 2009. 488 с.
- Боталов С.Г.* Кочевая цивилизация Евразии в пространстве и времени // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки.* 2006. № 17. С. 14–20.

- Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.
- Васильев А.М. История Саудовской Аравии. Издание второе, расширенное и дополненное. М.: «Классика плюс», Книжный дом газеты Труд, 1999, 672 с.
- Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. СПб.: Кристалл, 2001. 770 с.
- Гулыга А.В. Искусство в век науки. М.: Наука, 1978. 184 с.
- Золотая Орда в мировой истории. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 968 с.
- Иванов В.А. Химеры и миражи Золотой Орды // *Золотоордынское обозрение*. 2014. № 1. С. 190–211.
- Измайлов И.Л., Измайлов Б.И. Газиз Губайдуллин об истории Казанского ханства // *История и современность*. 2013. № 1, март. С. 150–157.
- Крадин Н.Н. Империя Хунну. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Логос, 2001, 312 с.
- Кульпин Э.С. Золотая Орда (Проблема генезиса Российского государства). М.: Институт востоковедения РАН, 1998. 222 с.
- Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд-во Московского университета, 1976, 321 с.
- Оразбаева А.И. Цивилизация кочевников евразийских степей. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 307 с.
- Петров А.М. Великий шелковый путь. О самом простом, но мало известном. М.: Восточная литература, 1995. 128 с.
- Першиц А.И. Кочевники в мировой истории // *Восток*. 1998. № 2. С. 120–131.
- Пиков Г.Г. О «кочевой цивилизации» и «кочевой империи». Статья первая: «Кочевая цивилизация» // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2010. Т. 9, вып. 1: История. С. 4–10.
- Пиков Г.Г. О «кочевой цивилизации» и «кочевой империи». Статья вторая: «Кочевая империя» // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2010. Т. 9, вып. 1: История. С. 19–32.
- Рейснер И.М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М.: Издательство АН СССР, 1954. 416 с.
- Скрынникова Т.Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия. XVI – начало XX века. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. 104 с.
- Тлеугабылова К.С., Беркинбекова А.М. Уникальная роль кочевников в процессе развития человеческой духовности и цивилизации // *Молодой ученый*. 2013. № 2 (49). С. 291–293.
- Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.
- Харт Г. Венецианец Марко Поло. М.: Издательство иностранной литературы, 1956, 323 с.
- Di Cosmo Nicola. Ancient Inner Asian Nomads: Their Economic Basis and Its Significance in Chinese History // *Journal of Asian Studies*. 1994. 53, No. 4. P. 1092–1126.

Di Cosmo Nicola. *Ancient China and Its Enemies: The Rise of Nomadic Power in East Asian History*. Cambridge University Press, 2004. 369 p.

REFERENCES

- Barfield T.J. *Opasnaya granica. Kochevye imperii i Kitaj (221 g. do n.eh. – 1757 g. n.eh.)*. [The Perilous Frontier. Nomadic Empires and China 221 BC to AD 1757]. St. Petersburg: F-t filologii i iskusstv SPbGU; «Nestor-Istoriya», 2009. 488 p. (in Russian).
- Botalov S.G. Kochevaya civilizaciya Evrazii v prostranstve i vremeni [Nomadic civilization in space and time], in: *Vestnik Yughno-Yralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: socialno-gumanitarnye nauki*. 2006. № 17. P. 14–20 (in Russian).
- Vainshtein S.I. *Mir kochevnikov centra Azii* [The world of Central Asia nomads]. Moscow: Nauka, 1991. 296 p. (in Russian).
- Vasil'ev A.M. *Istoriya Saudovskoj Aravii* [History Of Saudi Arabia]. Izdanie vtoroe, rasshirennoe i dopolnennoe. Moscow: «Klassika plyus», Knizhnyj dom gazety Trud, 1999. 672 p. (in Russian).
- Gumilev L.N. *Drevnyaa Rus i Velikaya step* [The ancient Russia and Great Steppe]. St. Petersburg: Cristall, 2001. 770 p. (in Russian).
- Guliga A. *Iskusstvo v vek nauki* [Art in the age of science]. Moscow, 1978. 184 p. (in Russian).
- Zolotaya Orda v mirovoy istorii* [The Golden Horde in World History]. Kazan, 2016. 968 p. (in Russian).
- Ivanov V.A. Himeri i mirazhi Zolotoy Ordi [Chimeras and mirages of the Golden Horde], in: *Zolotoordinskoye obozrenie*. 2014. № 1. P. 190–211 (in Russian).
- Izmailov I.L., Izmailov B.I. Gaziz Gubaidullin ob istorii Kazanskogo hanstva [Gaziz Gubaidullin about history of Kazan khanate], in: *Istoriya i sovremennost*. 2013. № 1, mart. P. 150–157 (in Russian).
- Kradin N.N. *Imperiya Hunnu* [The Hsiung-nu Empire]. Izd. 2-e, pererab. i dop. Moscow: Logos, 2001. 312 p. (in Russian).
- Kul'pin E.S. *Zolotaya Orda (Problema genezisa Rossijskogo gosudarstva)* [The Golden Horde. The problem of Genesis of the Russian state]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 1998. 222 p. (in Russian).
- Markov G.E. *Kochevniki Azii. Struktura hozyajstva i obshchestvennoj organizacii* [Asian Nomads. The structure of the economy and social organization]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1976. 321 p. (in Russian).
- Orazbaeva A.I. *Civilizaciya kochevnikov evrazijskih stepej* [The Civilization of Eurasian Nomads]. Almaty: Dajk-Press, 2005. 307 p. (in Russian).

- Petrov A.M. *Velikij shelkovyj put'. O samom prostom, no malo izvestnom* [Silk road. About the most simple, but little known]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1995. 128 p. (in Russian).
- Pershic A.I. Kochevniki v mirovoj istorii. [Nomads in world history], in: *Vostok*. 1998. № 2. P. 120–131 (in Russian).
- Pikov G.G. O «kochevoj civilizacii» i «kochevoj imperii». Stat'ya pervaya: «Kochevaya civilizaciya» [About «a nomadic civilisation» and «nomadic empire». First article: «The Nomadic civilization»], in: *Vestnik NGU. Seriya: Istorija, filologiya*. 2010. Tom 9, vypusk 1: Istorija. P. 4–10 (in Russian).
- Pikov G.G. O «kochevoj civilizacii» i «kochevoj imperii». Stat'ya vtoraya: «Kochevaya imperiya» [About «a nomadic civilisation» and «nomadic empire». Second article: «The Nomadic empire»], in: *Vestnik NGU. Seriya: Istorija, filologiya*. 2010. Tom 9, vypusk 1: Istorija. P. 19–32 (in Russian).
- Rejsner I.M. *Razvitie feodalizma i obrazovanie gosudarstva u afgancev* [The Development of feudalism and the formation of the state in Afghans]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1954. 416 p. (in Russian).
- Skrynnikova T.D. *Lamaistskaya cerkov' i gosudarstvo. Vneshnyaya Mongoliya. XVI – nachalo XX veka* [The Lamaist Church and state. outer Mongolia. XVI – beginning of XX century]. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1988. 104 p. (in Russian).
- Tleugabylova K.S., Berkinbekova A.M. Unikal'naya rol' kochevnikov v processe razvitiya chelovecheskoj duhovnosti i civilizacii [The unique role of nomads in the development of human spirituality and civilization], in: *Molodoj uchyonyj*. 2013. № 2 (49). P. 291–293 (in Russian).
- Hazanov A.M. *Kochevniki i vneshnij mir* [Nomads and the Outside World]. Izd. 3-e, dop. Almaty: Dajk-Press, 2002. 604 p. (in Russian).
- Hart G. *Venecianec Marko Polo* [The Venetian Marco Polo]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1956. 323 p. (in Russian).
- Di Cosmo Nicola. Ancient Inner Asian Nomads: Their Economic Basis and Its Significance in Chinese History, in: *Journal of Asian Studies*. 1994. 53, No. 4. P. 1092–1126.
- Di Cosmo Nicola. *Ancient China and Its Enemies: The Rise of Nomadic Power in East Asian History*. Cambridge University Press, 2004. 369 p.